

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагьи о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovskiy)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
---	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
--	-----

ряться, что разговор о явлении, не совпадающем с личностной незавершённостью, не предполагает обязательного отбрасывания ко второму полюсу бахтинской антинормии «личность – вещь». «Вещь, лишённая собственно неотчуждаемого и непотребляемого нутра, может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел – ... диалог, вопрошание, молитва.» [15]. «Душа» – явление, с одной стороны, субстанциональное, но, с другой стороны, способное диалогически ответить (ср.: в заметках к переработке книги о Достоевском у Бахтина: «Сентиментально-гуманистическое развещствление человека, образ которого остается объектным» [16]). В загробном мире Достоевского у человека (например, у Зосимы в «Братьях Карамазовых») уже подведены итоги жизни (она уже завершена), но он способен поделиться этими итогами в своём предстоянии перед Богом – вспомним о бахтинском понимании одной из ветвей «диалога мёртвых» (противоположной «диалогу мёртвых» в «Бобке» Достоевского, герои которого не способны принять свою смерть) как столкновения *последних* смысловых позиций (в «Проблемах поэтики Достоевского» [3. С. 324]). Герои в этом случае уже не изменяются (их слово – последнее), они даны как завершённое целое, но это не понижает их ценности в общекультурном диалоге – они важны, как носители именно такой (и никакой другой) жизненной позиции. Ср.: образы Дон-Кихота, Клеопатры или Чаадаева, Герцена, Тихона Задонского (именно как *цельные* образы человека) в творческом мире Достоевского. Обращение с человеком как с вещью (как с «предметом потребления» по Бахтину) характерно для карнавальной смерти-разъятия.

Парадоксальным образом оказывается, что идеал «финальной гармонии», существующий как абсолютное

будущее, состоит из единиц («душ»), оформленных как не-что существенно прошлое (последнее – необходимое формальное условие создания *завершённой* смысловой целостности человека: жизнь *уже состоялась*). Характерно, что Николай Семёнович, рассуждая в финале «Подростка» о возможности художественного изображения эстетически завершённых (если угодно – *совершенных*) форм жизни как *данности*, видит эту возможность только в том, чтобы писать «в историческом роде» [5. Т. 13. С. 455]. Рассуждения Николая Семёновича позволяют говорить о гротеске и эстетике завершённости у Достоевского обосновано – он анализирует разницу между творчеством «романиста героя из случайных семейств» («Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, – *дело текущее*, а потому и *не могут быть художественно законченными*» [5. Т. 13. С. 455; курсив мой. – А.К.]) и литературой, посвящённой дворянскому герою: в этом случае фиксируется «законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок, и уже *не предписанный*, а сами-ми *наконец-то выжитый*» [5. Т. 13. С. 453; курсив мой. – А.К.]. Самому Достоевскому приходится изображать именно «предписанный» (т.е. заданный) порядок.

В этом эстетическая сущность произведений Достоевского: изображение гротескового настоящего (высшим пределом которого является карнавальная смерть) и одновременно – простиупающее напряжение «нового создания», устремлённость мира к полифонической целостности, к «финальной гармонии». В организации этого полифонического задания существенную архитектурную роль играет и смерть, прямо противоположная карнавальному умерщвлению: смерть как рубеж между временем и вечностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб, 1997. 334 с.
2. Евлампиев И.И. Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 18–34.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев. 1994.
4. Бонецкая Н. К. Эстетика М. Бахтина как логика формы // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука. 1972–1990.
6. Ашимбаева Н. Сердце в произведениях Достоевского и библейская антропология // Достоевский в конце XX века: Сб. статей. М., 1996. С. 378–387.
7. Ветловская В. Истоки. Традиции русского классического романа в творчестве Достоевского // Нева. 1981. № 11. С. 162–169.
8. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
9. Исупов К. Г. Смерть другого // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетейя, 1995. С. 103–116.
10. Бонецкая Н. К. М. М. Бахтин и традиции русской философии // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 89
11. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. С. 239.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. 1995. С. 159.
13. Тамарченко Н. Д. Автор и герой в контексте спора о Богочеловечестве // Дискурс № 5/6. 1998. С. 38.
14. Шкловский В. Б. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 305.
15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 409.
16. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5. С. 356.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 22 февраля 1999 года.

УДК 82(091)(4/9)

Н.Б. Реморова

КЕДРИН И ХОДАСЕВИЧ. «СТАТЬИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ» В. ХОДАСЕВИЧА В ЧТЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ ДМ. КЕДРИНА (по материалам кедринской библиотеки)*

На материалах архива и личной библиотеки поэта рассмотрен вопрос о характере восприятия Дм. Кедриним (1897–1945) историко-литературных работ В. Ходасевича (1886–1939), оказавшего значительное влияние на мировоззрение, эстетическую программу и художественное творчество своего младшего современника. Статья является частью общего исследования рецепции творчества «запретного» поэта «серебряного века» Дмитрием Кедриним – поэтом 1930-х гг.

Возвращение на родину произведений поэтов и писателей русского зарубежья дает основания и открывает новые возможности для познания и более глубокого постижения их творчества, что обязывает исследователей по-новому взглянуть на возникающие в связи с этим проблемы, к числу которых относится и проблема творческой преемственности, которая, естественно, реализуется в индивидуальных творческих судьбах.

В статье «Русская поэзия XX века как единый процесс» Е.Г. Эткинд писал: «В. Ходасевича в СССР не издавали несколько десятилетий. И все же нет сомнений, что у него ... было немало последователей», которые умалчивали о нем «только потому, что его имя было запретным». С этим нельзя не согласиться. Нет смысла оспаривать и мнение исследователя, отводящего в ряду продолжателей традиции запретного поэта первое место Е. Винокурову (род. в 1925 г.), так как он «постоянно ссылается на Тютчева и Баратынского» [1], в сфере влияния которых складывался талант В. Ходасевича. Между прочим заметим, что сам Е. Винокуров в интервью для журнала «Молодая гвардия» на вопрос о традициях в качестве своих учителей называет Мартынова, Чуковского, Ахматову, Эренбурга и Твардовского. А из близких по духу современников – Н. Матвееву [2].

Не менее интересной представляется нам возможность указать на поэта, который, не декларируя это публично, тем не менее не умолчал о своей любви к Ходасевичу и архив которого хранит множественные свидетельства этой любви. Имя этого поэта – Дм. Кедрин (1907-1945). Знакомиться с лирикой и литературоведческими работами В.Ф. Ходасевича Кедрин начал в юности, когда поэт еще не был «запретным» и когда его сборники издавались в Москве и Петербурге, а приобретение или хранение их не было поводом для политических оргвыводов. К сожалению, архив и библиотека Кедрина сохранились не полностью. Но даже и то, что осталось, представляет для изучения поставленной темы значительный интерес.

I

С первым упоминанием имени В. Ходасевича у Кедрина мы сталкиваемся в одном из хранящихся в ИРЛИ его писем к М.А. Волошину. В письме, датированном 16 декабря 1928 г., начинающий автор, посылая на суд уважаемого поэта свои стихотворения, в частности, пишет: «Узнав, что стихи мои потерялись, я посылаю вторые экземпляры некоторых из них, прибавив несколько новых. Многие из этих стихов уже не дороги мне, написаны давно, и я остыл к ним. Вообще чувствую, что несовершенства в них достаточно, серьезности и мысли мало. Некоторые очень несамостоятельны: сказывается влияние многих и особенно Ходасевича – моего любимого поэта» [3].

Обратим внимание на дату письма – 1928 год. Двадцатилетний Кедрин, печатавшийся уже четыре года (не только в екатеринославских, но и столичных изданиях), удостоившийся внимания критиков и пристально следивший за литературной жизнью, не мог не знать, что в критике вокруг имени не вернувшегося в Россию Ходасевича уже 5 лет существует «заговор молчания». Последними откликами на его творчество были рецензии на «Тяжелую лиру» (изданную в Москве в 1922 г.), среди которых, пожалуй, только статья А. Белого была разговором по существу и высоко оценивала «поэта милостью божией, единственного в своем роде» [4]. В большинстве других откликов Ходасевич именовался «ненавидящим людей» «буржуазным поэтом», «героем не нашего времени», «собственное «я» которого <...> не более как червяк, расчлененный тяжкою лопатой событий» [5; 6]. И хотя отдельные стихотворения Ходасевича продолжали изредка появляться в московских и Петроградских изданиях до середины 20-х гг., откликов на эти публикации больше не было. Тем более интересно отметить, что в письме Кедрина к Волошину содержится не просто упоминание имени поэта-предшественника, но свидетельство определенной степени знакомства с его поэзией, выражение восторженного отношения к ней и признание своей поэтической зависимости от *любимого* поэта, В. Ходасевича.

Нам точно не известно сколько стихотворений было послано Волошину (в цитированном выше письме читаем: «Простите, что посылаю так много стихов, не удержался в границах приличия»), не известен отзыв Волошина на присланное. Но, можно думать, он был достаточно доброжелателен, ибо, как явствует из письма, Волошин (в ответ на предыдущее) прислал молодому автору ряд своих стихотворений, что может служить косвенным свидетельством расположения к адресату.

Заметим, что критика уже в 1925 г. писала о Кедрине, 18-летнем участнике екатеринославской группы «Молодая кузница», как о «наиболее зрелом авторе», достигшем «больших результатов в области своего творчества». По мнению автора рецензии, стихи его отличает «печать тщательной отделки» и «металлического блеска», а на всем творчестве «лежит отпечаток изучения классиков и умело-

го пользования ими» [7]. Действительно, Кедрин хорошо знал русскую поэзию. Он буквально поклонялся Пушкину, любил Баратынского, прекрасно знал Жуковского, Дельвига, Лермонтова, А.К. Толстого.

С первых шагов своего поэтического развития, пришедшегося на литературные споры 20-х гг., молодой поэт подражал своим старшим современникам, поэтам «серебряного века», брал за образец произведения Н. Гумилева, М. Волошина, С. Есенина, В. Ходасевича. Влияние последнего было ясно осознанным, глубоким и длительным. При этом Ходасевич был близок ему и как поэт, и как автор историко-литературных сочинений, которые Кедрин внимательно читал и на которых учился понимать литературу как процесс, где индивидуальное, новаторское невозможно без устойчивого фундамента традиций, где личное и общечеловеческое существуют в диалектическом противоречивом единстве.

Доказательство тому – внимательнейшее прочтение Кедриным статей В. Ходасевича о русской поэзии (о Ростопчиной, о Державине, о «Гавриилиаде» Пушкина) и поэтических сборников разных авторов, сохранивших пометы и надписи читателя. При этом имя Ходасевича не раз возникает в кедринских заметках на страницах читаемых книг. Оно появляется, например, при чтении Баратынского, Пушкина, Бунина. В статье С.Д. Кедриной «Любимые книги Дм. Кедрина» [8] рассказана история сохранившейся части библиотеки поэта и содержится интересный материал, касающийся особенностей чтения владельцем книг, ее составляющих. Вопросы о книгах и записях, связанных с именем В. Ходасевича, автор вообще не затрагивает.

Из изданий В. Ходасевича в библиотеке Кедрина сохранилось два. Это третья книга стихов поэта «Путь зерна» [9] и ранний сборник его историко-литературных работ «Статьи о русской поэзии» [10]. Обе книги буквально испещрены читательскими пометами и надписями. Были ли в библиотеке какие-либо другие издания Ходасевича – неизвестно. Вернее всего – нет. Что касается двух первых сборников («Молодость», 1908 и «Счастливый домик», 1914), то по младенчеству лет Кедрин не мог приобретать их при выходе, да и по малости тиража не попадали они за пределы столиц, став в скором времени библиографической редкостью. Однако стихи Ходасевича, в том числе и из этих сборников, широко печатались в журналах, альманахах, поэтических хрестоматиях, где их, несомненно, читал начинающий интересоваться поэзией юноша.

Конкретным доказательством использования Кедриным подобных источников может служить находящийся в его библиотеке «Чтец-декламатор», т. 3 (Киев, 1913. 620 с.), в котором рукой владельца сделаны пометы в шести стихотворениях пяти авторов: А. Блока, В. Брюсова, И. Анненского, С. Городецкого и В. Ходасевича. В стихотворении последнего «К музе», вошедшем в «Счастливый домик», выделены последние две строки: «Разуверение – советник мой лукавый. И вечность – как кинжал над совестью моей».

«Тяжелая лира» Ходасевича вышла в 1923 г. мизерным тиражом. Кедрин в это время жил в Екатеринославе и Москву впервые посетит только через два года. Сборник, вероятно, приобрести не удалось, но стихотворения, в него входившие, он конечно же знал, доказательством чему служат опять-таки маргиналии Кедрина в книгах его библиотеки. Все, что издавалось Ходасевичем за границей, советскому читателю практически доступно не было. Драгоценным был для Кедрина и приобретенный несколько позднее сборник «Путем зерна», ставший не просто любимой книгой, но и молчаливым собеседником поэта на многие годы.

II

Изучение библиотеки любого писателя – задача предельно сложная и необыкновенно интересная, способная дать исследователю исключительный по своему значению материал для конкретного понимания личности и творчества художника, его литературных связей, творческой преемственности, для уточнения каких-то моментов целостного литературного процесса эпохи. В свое время нам уже приходилось обращаться к пометам и маргиналиям Дм. Кедрина в книгах его библиотеки [11; 12; 13]. Однако даже применительно к пометам поэта в произведениях Пушкина материал далеко не исчерпан.

Библиотека Дм. Кедрина исключительно богата материалом, ибо в сохранившихся книгах он как читатель оставил многочисленные пометы и маргиналии, свидетельствующие об удивительной широте его интересов, внимательном отношении к чужому тексту и необычной чуткости к поэтическому слову. К книгам он подходил не только как заинтересованный и внимательный читатель, но часто как исследователь, для которого важно понять место читаемого автора в ряду его современников, его идейные прозрения и художественные открытия, и (если речь шла о художнике прошлой эпохи) особенности его современного звучания, его созвучности веку нынешнему.

При чтении поэтических текстов Кедрин обращает внимание на имеющие место случаи повторения тем, сюжетов, образов в произведениях поэтов, стремясь постичь сложную жизнь поэтической мысли, ее индивидуальную внутреннюю наполняемость и многозначность, что (особенно в случаях сознательного заимствования) позволяет увидеть глубокие внутренние различия авторов, почувствовать их поэтическую индивидуальность. При этом Кедрин интересуют не столько современные поэты, сколько поэты XIX века и рубежа веков, их связи со своими предшественниками и последователями.

Делая многочисленные пометы в своих книгах, Кедрин не оставил нам «сводов помет», каковые, например, в свое время были обнаружены нами у Жуковского-читателя [14]. Однако ознакомившись с заметками, которые он делал в произведениях различных авторов, можно утверждать, что используемые им пометы достаточно традиционны.

Это *подчеркивание*, выделяющее важную для Кедрина мысль автора, мысль не всегда целостную, но именно ту, которую читатель как бы стремится зафиксировать в своем сознании, запомнить, быть может, выписать. Если речь идет о прозаическом тексте, то совокупность подчеркнутых строк составляет своеобразный читательский конспект его. Если подчеркнуты строки стихотворные, нет сомнения, – для Кедрина они главные в произведении, созвучны чита-

тельскому настроению и мировосприятию. В некоторых случаях подчеркиванием может быть выделен и отдельный образ, но непременно тот, который вызвал активную читательскую реакцию, чаще всего – восхищение. Выделенная подчеркиванием часть текста не всегда совпадает со строфой или даже строкой в тексте стихотворном, с целостным авторским предложением – в тексте прозаическом.

Вторая, столь же распространенная помета Кедрина-читателя – вертикальное *отчеркивание*, выделяющее целостный отрывок в стихотворении, или отчеркивание в виде двух небольших наклонных линий, обрамляющих с двух сторон фразу или целый абзац в тексте прозаическом.

Как отчеркивание, так и подчеркивание в некоторых случаях сопровождаются читательскими маргиналиями в виде знака вопроса, восклицания или словесного комментария (эстетического или реального). В некоторых случаях маргиналии встречаются без дополнительных помет, относясь в этом случае ко всему произведению.

В стихотворных сборниках встречается еще одна помета – «птичка» у заглавия в тексте или (реже) в оглавлении, также выделяющая произведения, обратившие на себя особое внимание Кедрина. В ряде случаев встречается «двойные» или даже «тройные» пометы, несомненно свидетельствующие об особом интересе к произведению и, конкретнее, – к отмеченному такой пометой отрывку. Но чаще такие пометы – результат многократности обращения читателя к данному тексту. Особенно это явно в тех случаях, когда пометы сделаны различными карандашами или (чаще) чернилами.

Посмотрим, *как* читал Кедрин поэзию, что искал в ней. Маргиналии в большинстве случаев помогают уточнить помету, раскрыть ее значение. Приведем некоторые сопровождаемые маргиналиями пометы из различных книг кедринской библиотеки, где в заметках читателя возникает имя Ходасевича. Таких книг четыре. Это «Избранное» Баратынского [15], однотомник Пушкина [16], отдельное издание «Гавриилиады» [17] и том Полного собрания сочинений Бунина [18]. Книги были, очевидно, приобретены в екатеринославский период жизни Кедрина (до 1932 г.), и прочтение их (иногда не первое!) совпало у стремившегося к самообразованию поэта с пиком его увлечения произведениями Ходасевича как поэтическими, так и историко-литературными, влиявшими на формирование его собственных эстетических интересов.

Приведенные ниже пометы и маргиналии Кедрина – ничтожная часть того, что содержится в вышеназванных книгах. Тем не менее эта часть позволяет дать представление о системе кедринских помет в целом и приоткрывает некоторые грани в характере восприятия читателем творчества Ходасевича. Эти записи говорят о широте литературного кругозора Кедрина, включающего в орбиту своих интересов не только современную литературу, но и богатства русской классики, многие произведения которой он знает и чувствует очень тонко. У поэта постоянно присутствует интерес к проблеме литературных контекстов, чаще всего выражающийся в заметках на полях читаемых книг, и направлен он не на формальное фиксирование реминисценций тех или иных образов, а на выявление определенных тенденций в развитии литературы. Из поэтов XX века имя Ходасевича в таком контексте встречается наиболее часто.

С. 111. «Город пышный...»	Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид, Свод небес зелено-бледный, Скука, холод и гранит – Все же мне вас жаль немножко, Потому что здесь порой Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой.	«Отсюда Блок, Мандельштам, Ахматова»
«Гаврилиада» [17]		
С. 58. Строки 87–88	/На полотне так исчезают тени, Рожденные в волшебном фонаре/.	«Не пушкинский образ»
С. 63. Строки 169–176	И видит вдруг: прекрасная змея, Приманчивой блистая чешуею, В тени ветвей качается над нею И говорит: «Любимица небес! Не убегай, я пленник твой послушный...» Возможно ли? о чудо из чудес! Кто ж говорил Марии простодушной, Кто это был? Увы, конечно, бес.	«Безусловно влияние Гаврилиады на Лермонтова в его Демоне. Композиционно – полная аналогия»
С. 75. Строки 372–376	<u>Пред ним восстал, смутясь, мрачный бес</u> <u>И говорит: «Счастливец горделивый,</u> <u>Кто звал тебя? Зачем оставил ты</u> <u>Небесный двор, эфира высоты?»</u>	«Лермонтов. Демон. «Здесь я владею, а не ты»
С. 77. Строка 410	Подземный царь, буян широкоплечий Вотще кряхтел с <u>увертливым врагом</u> .	«Ходасевич. «Хитрит и злится пролетарий перед увертливым врагом». Статья Ходасевича о Гаврилиаде» Кедрин по памяти цитирует стихотворение Ходасевича «Сквозь облака фабричной гари...» («Беседа». 1923. № 1). Связь со статьей Ходасевича о «Гаврилиаде» не ясна
С. 85. Строка 542	Но дни текут, и время сединою Мою главу <u>тишком посеребрят</u>	«Не пушкинское слово, украинизм. Очевидно из списка»
Текст И. А. Бунина [18]		
С. 89. «С обезьяной»	/Зверок устал, – взор старичка-ребенка Томит тоской. Хорват от жажды пьян. Но пьет зверок: лиловая ладонка Хватает жадно пенный стакан. Поднявши брови, тянет обезьяна, А он жует засохший белый хлеб И медленно отходит в тень платана... Ты далеко, Загреб!//	«Ходасевич откуда взял, но у него лучше» Речь идет о стихотворении «Обезьяна» из сборника «Путь зерна»

Кедрин достаточно хорошо знаком с произведениями критического и историко-литературного жанров, что позволяет ему говорить об «упущениях» критики, не отметившей, как ему кажется, тех или иных связей и традиций. Сам по себе интерес поэта к историко-литературным и критическим работам, безусловно, связан с еще не угаснувшей традицией «серебряного века», когда практически каждый поэт стремился сформулировать свою эстетическую платформу, а каждая поэтическая школа выдвигала теоретика, когда многие знаменитые поэты писали серьезные филологические труды, а будущие известные историки литературы выступали как авторы ярких поэтических сборников.

В 20-е гг., когда формировался талант Кедрина, наряду с любителями «литературных боев» (а по существу – идеологических разборок) формировалась и развивалась восходящая к традициям прошлого периода плеяда замечательных исследователей литературы (М. Гершензон, Л. Гроссман, В. Жирмунский, Б. Томашевский, Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон и др.). В русле этой же традиции находились и статьи В. Ходасевича, хотя и считавшего себя прежде всего поэтом, но волею судьбы ставшего и мемуаристом, и критиком, и историком литературы.

Статьи Ходасевича сохранились в кедринской библиотеке. Вероятно, они были особенно близки и дороги Кедрину потому, что, во-первых, принадлежали любимому поэту, и, во-вторых, все были посвящены поэзии, которая для их создателя представлялась вершиной

единого здания литературы, поэзии, которая оценивалась им с точки зрения знания и мастерства, а читателем ощущалась как личная судьба.

III

Можно думать, что с творчеством некоторых поэтов, о которых писал Ходасевич, молодой Кедрин серьезно ознакомился впервые именно по его работам, чем объясняется внимание читателя не только к тексту статьи, но и к тем стихотворным отрывкам, которые приводил исследователь. Мы имеем в виду статьи о Ростопчиной и Державине. Сборник «Статьи о русской поэзии» включает 5 относящихся к разному времени (1908–1921 гг.) статей В. Ходасевича. Внимание Кедрина-читателя привлекли три из них: «Графиня Е.П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика», «Державин. (К столетию со дня смерти)» и «О Гаврилиаде» [10]. В этих статьях на 60 страницах текста он оставил 48 обширных помет и 7 записей. Еще одна небольшая помета содержится в заключительной статье сборника «Колелемый треножник», представляющей собой речь, произнесенную автором на Пушкинском вечере в феврале 1921 г. [24].

Заинтересовавшие Кедрина статьи носят историко-литературный характер. Как считает их автор, Ходасевич, в большинстве случаев поэтический материал «не вскрываем без изучения биографического», а потому во многих его работах эстетическое своеобразие исследуемого автора раскрывается через глубокое постижение его личности,

не просто воспринимающей мир, но трансформирующей его в соответствии со своими нравственно-этическими и эстетическими представлениями.

Именно эта черта работ Ходасевича, дающая возможность целостно представить себе личность и творчество того или иного художника, импонирует Кедрину в большей мере, чем другие виды филологических исследований. Очевидно, по этой причине оказалась полностью лишённой кедринских помет центральная статья сборника о петербургских повестях Пушкина, в которой на основе анализа поэтики конкретных произведений и с привлечением сопоставительного материала решается сугубо филологическая проблема – петербургские повести рассматриваются как циклическое единство.

Как же читает Кедрин историко-литературные работы Ходасевича? В прочитанных им статьях наличествует два типа помет, как бы выделяющих два пласта в работе, два аспекта в интересе к ним. Первый – стремление через работу Ходасевича познакомиться с жизнью и творчеством поэта, о котором пишет исследователь, т.е. с конкретными фактами его биографии, его конкретными произведениями (или отрывками из них), отражающими конкретные биографические мотивы и способствующие пониманию личности их создателя. То, что кажется Кедрину в этом отношении принципиально важным, главным, существенным в работе, он *отчеркивает*.

Второй тип кедринских помет – *подчеркивание*. С его помощью он выделяет те отрывки в работе исследователя или те стихотворные тексты, в них приводимые, где на первый план выступают эстетические проблемы или (что тоже достаточно часто) в которых присутствует какой-то обобщенный, общечеловеческий смысл, заставляющий читателя задуматься о собственной жизненной и творческой практике, о современных эстетических спорах в их соотносённости с прошлым, о собственных поэтических исканиях и замыслах и реальном их воплощении. Таких помет несколько меньше по количеству, однако они имеют порой прямой выход в жизненную и поэтическую практику самого Кедрина.

Часто подчеркивание сочетается у Кедрина-читателя с отчеркиванием той же или большей части текста. При таком «удвоении» пометы следует иметь в виду, во-первых, что подчеркнутый текст для Кедрина наиболее значим, он несет в себе не только фактическую, но, главное, еще и эстетическую или нравственно-этическую информацию; во-вторых, «двойная» помета может быть и результатом одновременного обращения читателя к тексту. Это наглядно проявляется в случаях, когда сочетающиеся пометы сделаны различными «орудиями производства» – карандашом и чернилами, чернилами или карандашами разных цветов. Обычно Кедрин предпочитал читать книги с простым, тонко отточенным карандашом в руках.

Приведу выделенные Кедринским отрывки из статей В. Ходасевича

**Пометы и маргиналии Дм. Кедрина
в статьях о Е.П. Ростопчиной, Г.Р. Державине,
«О Гавриилнаде» [10] и «Колелемый треножник» [24]**

Стр.	Текст из статей с пометами Дм. Кедрина	Маргиналии Кедрина
Из статьи о Е. П. Ростопчиной		
С. 7.	/»Жизнь Ростопчиной. Такая обычная и такая трогательная в своей банальности, все-таки в чем-то крупнее ее поэзии.»/	
С. 21.	/Вы вспомните меня когда-нибудь... но поздно, Когда в своих степях далеко буду я... Когда надолго мы. Навеки будем розно, – Тогда поймете вы и вспомните меня... Проехав иногда пред домом опустелым, Где вас встречал радушный мой привет, Вы грустно спросите: «так здесь ее уж нет?» И мимо торопясь, махнув султаном белым, Вы вспомните меня./	
С. 34	Кто здесь мне рад? <u>Меня искал с желаньем и томленьем?</u> Кто встретил мой приезд благословеньем? И без меня обычной жизни лад <u>Кому нужна я? цей тоскливый взгляд</u> <u>Всех веселил всегдашним тревоженьем...!</u>	
С. 38	«Она чувствует себя одинокой и пишет Погодину: /»Я жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина. Вот почему презираю я всю теперешнюю литературную сволочь, исключая только некоторых, подобных вам и мне, вольнопрактикующих. Не принадлежащих ни к сим ни к оньм!»./	«С Лермонтовым она верно – была дружна».
С. 40	/Сонм братьев и друзей моих далеко. Он опочил, окончив жизнь свою.	Немудрено, что жрицей одинокой У алтаря пустого я стою»./
С. 41	<Стихи Ростопчиной> « <u>Это не пыльная ода, не задумчивая элегия. Это – романс, тающий в себе особенное, ему одному свойственное очарование, которое столько же слагается из прекрасного, сколько из изысканно безвкусного.</u> /Красивость, слегка банальная, — один из необходимых элементов романса. Пафос его не велик. Но тот, кто поет романс, влагает в его нехитрое содержание всю слегка обыденную драму души страдающей, хоть и простой»./	
С. 42	«В наши дни, напряженные, нарочито сложные, духовно живущие не по средствам, есть особая радость в том, чтобы заглянуть в такую душу <...> <u>Ах, как стары и дряхлы те, кому кажутся устарелыми зеленые весны, шелк соловья и лунная ночь!</u> »	
Из статьи «Державин».		
С. 44	/»Тут есть великая несправедливость. Назвали: лже-классицизм – и точно придавили могильным камнем, из-под которого и не встанешь. Между тем в поэзии Державина бьется и пенится родник творчества, глубоко волнующего, напряженного и живого, т.е. как раз не ложного. Поэзия Державина спаяна с жизнью прочнейшими узами»./	
С. 45	/»Всякая культурная деятельность, в том числе поэтическая, являлась и <u>прямым</u> участием в созидании государства. Необходимо было не только выленить внешне формы России, но и вдохнуть в них живой дух культуры. Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор. Поэтому можно сказать, что его стихи вовсе не <u>документ</u> эпохи, не отражение её, а некая реальная часть её содержания; не время Державина <u>отразилось</u> в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, <u>создали</u> это время»./ / «В те дни < созидания государства > <u>победные пушки согласно переключались с победными стихами</u> »./	

C. 46	<p>Вся природа унывает, Мрак боязни рассеивает /Ужас ходит по следам</p> <p>Если б ветры не звучали И потоки не журчали Образ смерти зрелся б нам!</p> <p>«Не важно, что эти стихи написаны «На отбытие Ее Величества в Белоруссию». В пьесе они включены только механически. /Подлинный ужас, подлинное и страшное ощущение смерти, тайно разлитой в природе, возникли в поэте, конечно, вовсе не в связи с отсутствием государыни, к тому же благополучным и кратковременным. Важно то, что ужас этот возник, и то, с какой силой он выражен. Включить эти великолепные строки в «официальную» оду было делом поэтической щедрости Державина – и только; говорить по поводу их о какой-то «придворной» поэзии – наивно и близоруко»./</p>	
C. 47	«Исторический комментарий вредит многим созданиям Державина, поскольку <...> отодвигает на задний план их главное и наиболее ценное содержание. (Для правильного художественного восприятия часто бывает необходимо отбрасывать поводы возникновения той или иной пьесы)».	
C. 48	«В жизни он был честным слугою родины и царей. Излишней приверженностью к закону, правде и прямоте он часто бывал «неудобен». <...> /Самому императору Павлу сказал он в гневе такое слово, которое и поныне в печати приходится заменять многоточием»./	
C. 49	/«Он любит свой дом любовью истинного язычника»./	«И в самом Ходасевиче есть элементы этой державинской домашности»
C. 50	<p>/Я озреваю стол, – и вижу разных блюд Цветник, поставленный узором. Багряна ветчина, зелены щи с желтком,</p> <p>Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны Что смоль, янтарь, икра, и с голубым пером Там шука пестрая – прекрасны! /</p>	
C. 52	«Пафос любви трагической, всесильной и чудотворной неведом Державину. /Не таинственный Эрос, а шаловливый Амур руководит им. Державин никогда ради любимой женщины не забывает окружающего мира. Напротив, нежным чувством своим ищет он таких же жизненных соответствий в окружающей обстановке»./	
C. 53	<p>/«В самом его отношении к возлюбленной столько же любования художника, сколько и сладострастия любовника. Пожалуй любования даже больше. <...> Она похожа зараз и на хрупкую пастушку XVIII века, и на прекрасную Навсикаю. И есть в ней прелесть девушки русской, медлительной, светлорусой и милой»./</p> <p>/«Но смуглые и белокурые, бледные и румяные, жены и девы, – все они у Державина слегка похожи одна на другую, хотя все и всегда воплощены, живы, телесны. Ни одна из них, кажется, не представляется ему недоступной, нездешней. – мечтой. Все они – только лучшие цветы того сада, в котором гуляет он, певец, хлебосол, вельможа – Гавриил Романович Державин...»./</p>	
C. 55	<p><.....> И се уж кожа, зрю, перната Вкруг стан обтягивает мой; Пух на груди, спина крылата. Лебяжьей лоснюсь белизной.</p>	«Овеществление своего небытия, духа!»
C. 55	<p><.....> Прочь с пышным славным погребеньем Друзья мои! Хор муз, не пой! (Супруга! Облекись терпеньем! Над мнимым мертвецом не вой).</p>	!
C. 56	«Поэтическое «парение» <...> служит ему верным залогом грядущего бессмертия — не только мистического, но и исторического. / И последнее для него, пожалуй, ценнее первого»./	
Из статьи «О Гавриилиаде»		
C. 99	/«Вель мудрый от колыбели Пушкин с молоду был так молод, как никогда и никто из русских людей: и в этом, как во всем, он превзошел их всех»./	
C. 100	/«Собственной жизнью Пушкина определился дух будущего сознания, — и я бы сказал, что это есть подлинный дух Ренессанса. Да, в начале XIX столетия был в России момент, когда величайший из ее художников, не «стилизуясь» и не подражая, а естественно и произвольно, единственно в силу внутренней необходимости, возродил само Возрождение»./	
C. 101	<Веронез был привлечен к суду инквизиции за «кошунственное изображение ликов святых»>. /«Никаких мотивов своего поступка, кроме чисто художественных, он не указал, никаких оправданий, кроме эстетических, не представил. Он говорил, что изображал евангельские события так, как ему, художнику, представляется нужным и подобающим, то есть так, как ему подсказала его художественная совесть. И так велико было у судей уважение к свободе творчества, что Веронез был оправдан самой инквизицией»./	
C. 102	<Конечно, у Веронеза были и другие доводы. В том числе он мог бы сказать, что> «ко всему этому его побуждало не только желание использовать живописные эффекты, но и нечто более сложное. Он сказал бы, что мир, в котором вот сейчас живет он, Веронез, так мил ему, что расстаться с этим миром ему не хотелось даже ради самых святых мест и самых святых минут и что пожалуй, сама обитель Господа не понравилась бы ему, если она ничуть не похожа на Венецию».	«А Рембрандт, одевавший своих святых в меховые голландские шапки?»
C. 105	«Если всмотреться в «Гавриилиаду» немного пристальнее, то сквозь оболочку кошунства увидим такое сияние любви к миру, к земле, такое умиление перед ними, что в конце концов хочется спросить: разве не религиозна сама эта любовь? Отцы инквизиторы оправдали Веронеза. /Тут проявили они, быть может, не только ум и художественный вкус, но и кое-что другое»./	
	<...> думается, что некогда образ Марии займет место в ряду идеальных женских образов Пушкина. Сквозь все непристойные и соблазнительные события <...> Мария проходит незапятнанно чистой. /Такова была степень богомольного благоговения Пушкина перед «святыней красоты», что в поэме сквозь самый грех снимет Мария невинностью»./	
Из статьи «Колелемый треножник»		
C. 122	«История вообще неуютна».	

Легко заметить, что *отчеркнутые* Кедриным отрывки имеют преимущественно информационный характер: в них содержатся конкретные сведения о художнике, являющемся

объектом исследования автора. Это относится и к выделенным Кедриным стихотворным отрывкам: они носят характер автобиографических признаний и в контексте статей

служат прежде всего для характеристики мироощущения Ростопчиной, Державина, Пушкина.

Относящиеся к отчеркнутым отрывкам записи Кедрина также имеют прежде всего констатирующий характер, отмечая наличие определенных контактов между поэтами на житейском, бытовом уровне. Правда, возникшее в записи имя Ходасевича, хотя и сопровождается словами об «элементах домашности» (то есть – быта), будучи поставлено читателем как бы между двумя соседствующими пометами (с. 49 и 50), дополняется и эстетическим планом. Ведь «державинская предметность» изображения, как указывалось в критике, восхищала многих художников серебряного века, в том числе и Ходасевича, назвавшего в анкете 1915 г. в качестве «писателей, оказавших на него наибольшее влияние», «прежде всего Пушкина и Державина» [19].

Кедринская любовь к точной, зримой детали, проявившаяся уже в ранний период его творчества, несомненно, связана с той же линией в поэзии, но пролегающей для него, скорее всего, не непосредственно от Державина, а через Пушкина и Ходасевича (поэта и исследователя). Вот почему, читая Пушкина, Кедрин, как видно из приведенных выше его заметок на полях, обращает внимание на развитие той же державинской традиции в поэзии Пушкина. А при чтении работ Ходасевича о Державине подчеркивает родственность в мироощущении поэта XX века с его любимым предшественником из далекого века XVIII.

Особенно восхищают Кедрину-читателя приведенные исследователем строки из стихотворения «Лебедь» (с. 55), в котором Державин, размышляя о неизбежности ухода из мира живых, выражает свое представление о грядущем, где он, «в двояком образе нетленный», продолжит *свое* существование в благородной памяти потомков. Кедрин *трижды* (отчеркиванием, подчеркиванием и восклицательным знаком) отмечает заключительные строки стихотворения, где уход из земного мира определяется Державиным как *мнимая* смерть, а также отчеркивает строку в комментарии Ходасевича к стихотворению (с. 56), где исследователь справедливо говорит о своеобразии трактовки темы бессмертия у Державина. Кедрин в стихотворении интересуется не только неординарность державинского мироощущения, но поражает характер самого поэтического «парения», или, как замечает в надписи на полях читатель, необычайное даже для Державина «овеществление своего небытия, духа!». И он подчеркивает поразившие его строки, ибо это уже не просто живописная выразительная деталь, но и уникальная в своем роде попытка выразить «небесное» через земные, конкретные образы, замкнуть в единый цикл «дольнее с небесным».

Что касается личности Державина, то Кедрину-читателя особенно восхищает его способность оставаться поэтом во всех жизненных ситуациях, всякое жизненное явление воспринимать прежде всего с позиции художника и с присущей истинному таланту щедростью поэтизировать действительность, видя во всех ее проявлениях отблеск вечного начала, сияние различных граней общечеловеческого идеала. Это касается быта, человеческих чувств, общественных отношений (с. 46, 50, 52, 53, 54).

Первый из *подчеркнутых* в статье о Ростопчиной отрывков (с. 34), казалось бы, тоже имеет форму автобиографического признания. Однако отраженные в нем мысли и чувства – результат сурового жизненного опыта не просто светской женщины, но *мастера*, причастившегося божественных тайн Поэзии, чувства *поэта*, вдруг осознавшего свое духовное одиночество, свою ненужность в этом чуждом ей и ее эстетическим привязанностям мире. И прозвучавшие

в стихотворении вопросы: «Кому нужна я? Чей тоскливый взгляд Меня искал с желаньем и томленьем?» – были созвучны тем, что рождались в душе Кедрину-читателя, на собственном опыте ощутившего, что значит несовпадение поэтических устремлений и симпатий художника с «социальным заказом времени», несовпадение, оборачивающееся для художника-творца трагической стороной.

Не успела высохнуть типографская краска на страницах рецензий, полных похвал в адрес Кедрина за ясность и четкость его стиха, за внимательное «изучение классиков и умелое пользование ими», как поэт оказался причислен к «чистым лирикам», что, по мнению рецензентов, проявилось в «необычайной гладкости стиха», что называется, «без сучка без задоринки». При этом автор рецензии, ничтожно сумняшеся, в качестве примера «старинной лирики» называет Пушкина, автора знаменитого стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», написанного, как утверждает рецензент, «после того, как Пушкин подсмотрел Анну Керн во время купания». «Но, – продолжает критик, – от быта у Пушкина не сохранилось ни следа. Более того – Керн как бы окончательно утратила то самое тело, которым Пушкин любовался в щель купальни». В то же время рецензент чувствует, что помимо его воли сопоставление с Пушкиным уже само по себе лестно для рецензируемого, и переводит разговор в сферу выявления хронологически более близких параллелей – Кедрин и Сельвинский, Кедрин и Вертинский и даже Кедрин и «некий седовласый Анатолий Франс, принимающий мир без каких бы то ни было коррективов» [20].

Подобная «критика», затянувшись на многие годы, принявшая к тому же форму «закрытых рецензий», лишила Кедрину возможности издавать сборники, создала ситуацию, когда признание и известность пришли только после гибели поэта. В силу социально-исторических условий он оказался оторван от властно звавшей его традиции серебряного века, но внутреннюю связь с ней кедринской поэзии многие критики ощущали достаточно ясно, о чем говорит упоминание в некоторых закрытых рецензиях имени Н. Гумилева, поэтические контакты с которым, с точки зрения их авторов, уже сами по себе были доказательством невозможности публикации. Другие имена, как правило, не назывались, но утверждалось, что те, чью традицию продолжает Кедрин, – «не лучшие, не коренные, не определяющие лицо русской поэзии художники» [21]. Постоянно отгораживаемый от читателя редакторами и рецензентами Кедрин глубоко чувствовал драму поэта, отвергаемого своим веком и не умеющего и не желающего подстраиваться под вкусы критики. Вот почему в его собственном творчестве такое большое место занимает тема художника и его трагической судьбы.

Слова Ходасевича-критика о романсной природе стихотворений Е.П. Ростопчиной интересны Кедрину не только как факт биографии поэтессы, но как созвучное его собственному пониманию определение особой музыкально-поэтической природы романа, обладающего неповторимым очарованием и отражающего на своем уровне диалектику обыденной человеческой жизни. У Кедрина нет стихотворений, которые он определил как романс. Однако с первых же его публикаций времен «Молодой кузницы» было ясно, что ни «машинизм», ни «космизм» «Кузницы» поэту не свойственны, для него не органичны. «Зеленые весны, щелк соловья и лунная ночь», о которых как о вечных ценностях говорит Ходасевич (с. 42), имели для поэзии Кедрина определяющее значение и были для него не только элементом пейзажа, но символом вечности бытия, нравственности, красоты. Кедринским же критикам эти понятия «кажутся устарелыми», а намек (даже намек!) на возможность

связи стихотворения с романсной традицией становился криминалом, тем более, что понятие романа для них замыкалось на запретном Вертинском. И как же могли быть напечатаны стихи Кедрина, если одному рецензенту почудилось, что «Кукла» таит в себе нечто от слащавости Вертинского» [21. Л. 71]. Кстати, тому же автору принадлежит и иной довод против напечатания «Куклы»: «Большое сомнение вызывает «Кукла». Оно действительно превосходно. Но нужно ли его печатать, когда у нас в стране нет проституции. У этого стихотворения такая интонация, будто речь идет о сегодняшнем дне» [22]. Другого рецензента «вспомнить о Вертинском» заставила «Пластинка» [21. Л. 72]. Что из того, что у других рецензентов (С. Обрадовича, В. Озерова, П. Антокольского) те же стихотворения были отнесены к разряду «маленьких шедевров»? Последнее слово оставалось за теми, кому, по словам поэта, «один закон всего знаком – творить со слишком тонким слухом и слишком длинным языком» («Глухота»).

Любопытно заметить, что количество «сдвоенных» помет у Кедрина-читателя увеличивается при чтении им статьи о Державине. Думается, что это обусловлено как субъективным фактором читателя («так художник хочет»), так и новым качеством статьи Ходасевича, написанной им на 8 лет позже, чем статья о Ростопчиной. В статье о Державине автор рассматривает жизнь и творчество поэта в большей слиянности и цельности, чем в первой, что в значительной степени предопределено характером личности исследуемого поэта и условиями, в которых протекало его творчество. Как пишет Ходасевич и отмечает Кедрин-читатель, «поэзия Державина спаяна с жизнью прочнейшими узами» (с. 44), участием в созидании государства» и «его стихи суть вовсе не документ эпохи, не отражение ее, а некая реальная часть ее содержания; не время Державина *отразилось* в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, *создавали* это время» (с. 45. Выделено Ходасевичем). Это единство жизни и поэзии, их активное взаимодействие, при котором поэтическое Слово становится Деянием, а факт жизни, деталь быта преобразуются поэзией и возводятся в перл создания, единство, ставшее реальностью в веке XVIII, оказалось недоступно веку XX. Совершенно не случайно во фразе Ходасевича: «В те дни победные пушки согласно перекликались с победными стихами» (с. 45) с точки зрения обыденного сознания – явная смысловая инверсия. Не стихи перекликаются с победными пушками, а пушки – со стихами. И совершенно не случайно фраза эта подчеркнута Кедрин-читателем.

Сотрясаемый войнами и революциями XX век не желал прислушиваться к божественному глаголу поэзии, он пытался подчинить поэзию нуждам идеологии, сделать поэзию служанкой политики. Стихи, чтобы появиться в печатных изданиях, должны были перекликаться, а точнее, – «соответствовать» победным реляциям официальной власти. Это хорошо понимал (но не принял!) Ходасевич; этого не желал принимать и Кедрин, что было основной причиной его официального непризнания и, в свою очередь, мешало раскрытию его таланта. В марте 1944 г., сообщая К. Кулиеву о судьбе его поэтического сборника, он с горечью пишет, что, по словам работников издательства, «главной причиной» его невыхода «является отсутствие в книге «победных стихов». «<...> Это же отсутствие «победных» мотивов, – продолжает Кедрин, – и мне мешает перелить впечатления в стихи. Я убежден, что лирика – это дневник сердца, а я лирик и од писать не умею» [23].

В статье Ходасевича о Державине Кедрин особенно привлекает интерпретация исследователем проблемы соотношения фактов реального бытия и поэтиче-

ской фантазии художника, факта и его художественного воплощения. В. Ходасевич придерживается точки зрения, что «поэзия преобразует, но не отменяет и не искажает действительности» [24. С. 225]. Способность Ходасевича к преобразованию основана на обладании им особым взглядом на мир, отвергающим обыденный «здравый смысл», но предполагающим «поверку изображения рассудком». И во многих случаях частный, конкретный факт может быть лишь поводом к возникновению поэтического чувства, отражающего более глубокие жизненные закономерности и тенденции, воплощающего общечеловеческие истины и идеалы.

Ощущения, чувства, мысли возникающие в сознании художника по вполне конкретным поводам, получив индивидуальное поэтическое воплощение, становятся силой, преобразующей мир по его, поэта, воле и в соответствии с его мироощущением. Произведения поэта, став достоянием читателя, позволяют последнему взглянуть на мир «из поэзии», со стороны более реального и более здравого, нежели простое здоровое <...>» [24. С. 139]. Именно об этом, но на более конкретном, державинском материале идет речь в отмеченных Кедрин-читателем отрывках на страницах 46, 52, 54.

Есть у этой проблемы (факт и его отражение в поэзии) и другая, очень важная для Кедрина сторона – характер оценки сделанного поэтом. Если говорящий о поэте не видит разницы между фактом жизни и фактом поэзии, фактом искусства, он никогда не сможет правильно интерпретировать созданное художником, его суждение будет «наивно и близоруко». И, как пишет Ходасевич и дважды (отчеркнув и подчеркнув) отмечает Кедрин-читатель, «для правильного художественного восприятия часто бывает необходимо отбрасывать поводы возникновения той или иной пьесы» (с. 47).

Говоря об этом, Ходасевич имел в виду комментарий исторический. Кедрину же чаще всего приходилось иметь дело с критикой, прибегавшей не то что к историческому, а к вульгарно-бытовому комментарию и использовавшей его в качестве орудия дискредитации произведения, разрушения в глазах читателя его поэтического содержания и смысла. Вот почему литературоведческие работы Ходасевича были для Кедрина не только животворным источником, из которого он черпал, особенно в юности, многие эстетические понятия и представления, но и опорой, позволявшей в более поздние годы выстоять и не сломиться, когда его рецензентами слишком часто оказывались люди, судившие о поэзии не только «наивно и близоруко», но и тенденциозно.

В статье «О «Гавриилиаде» (в сборник вошел первый вариант статьи Ходасевича, датированный 1917-м годом и впоследствии переработанный) помет читателя сравнительно немного, что, во-первых, естественно объясняется меньшим объемом статьи, во-вторых, не говоря уже о хорошем знании и внимательном прочтении пушкинской поэзии (на страницах указанного однотомника Пушкина из библиотеки поэта содержится свыше 300 помет и записей), Кедрин прекрасно знал и текст «Гавриилиады» (к тексту указанного издания «Гавриилиады» Кедрин, судя по характеру помет, обращался неоднократно), и некоторые, касающиеся ее исследования, критические работы, а не только обширную вступительную статью В. Брюсова. Последняя, кстати, не вызвала особого интереса читателя (одна помета и обширная, несколько полемическая запись, касающаяся спора об авторстве поэмы). Иными словами, к восприятию статьи Ходасевича Кедрин был уже хорошо подготовлен, и заметки «для сведения» как бы сами собой отпадали.

В то же время статья во многом отличалась от прешествующих – она была посвящена не творчеству поэта в целом, а конкретному анализу конкретного произведения, и центральное место в ней занимает вопрос о характере трактовки известной библейской фавулы и своеобразии поэтических средств ее воплощения. И то и другое, по мнению Ходасевича, целиком определяется уникальностью личности Пушкина.

Заявив с самого начала о возрожденческом характере пушкинского творчества, Ходасевич раздвинул рамки своей небольшой статьи и от сравнительно частного вопроса вышел к обсуждению проблемы общезстетической – о праве подлинного художника, поклоняющегося «святыне красоты», на свою индивидуальную трактовку любой, в том числе и библейской темы. Этот аспект статьи Ходасевича привлекает Кедрина, с ним связаны все основные его пометы, с помощью которых он как бы высвечивает несколько особенно близких ему граней проблемы.

Часть кедринских помет связана непосредственно с заявленной в заглавии темой – пушкинской «Гавриилиадой» и трактовкой личности Пушкина. Кедрин разделяет благоговейный взгляд автора статьи на Пушкина как человека «мудрого от колыбели» и явившего собой идеал вечной молодости, недостижимой для большинства (с. 99). Он полностью согласен с автором, что масштаб личности Пушкина может быть сравним только с титанами Возрождения, что дух Ренессанса пронизывает все его творчество. Это не «стилизация», не подражание, но результат удивительного совпадения внутренних устремлений «величайшего художника» и потребностей исторического момента, совпадения, позволившего «возродить само Возрождение» (с. 100). Как и в статье о Державине, здесь Кедрина особо занимает вопрос о желанной гармонии поэта с веком, гармонии, без которой немислимы полное раскрытие, полная реализация личности Художника, но которая случается лишь в редкие мгновения истории.

Сама молодость, чистота души и стремление к жизненной гармонии Пушкина – автора «Гавриилиады» – как бы ассоциирована у Ходасевича с молодостью эпохи Ренессанса, во многом дисгармоничной, но мечтавшей о гармонии общества, духовно и физически совершенной личности, впервые открывшей идеал любви высокой и чувственной одновременно и первые воплотившей его в прекрасных художественных образах. Подобное отношение к миру и любви было, по мнению Ходасевича, присуще Пушкину с его ренессансным мироощущением. Он пишет: «Если всмотреться в «Гавриилиаду» немного пристальнее, то сквозь оболочку кощунства увидим такое ясное сияние любви к миру, к земле, такое умиление перед ним, что в конце концов хочется спросить: разве не религиозна сама эта любовь? ... думается, что некогда образ Марии займет место в ряду идеальных женских образов Пушкина. Сквозь все непристойные и соблазнительные события ... Мария проходит незапятнанно чистой. /Такова была степень богомольного благоговения Пушкина перед «святыней красоты», что в поэме сквозь самый грех сияет Мария невинностью»./

Последние строки дважды отмечены Кедриным, который своими пометами делает акцент не столько на идее пушкинского «возрожденчества», сколько на «благоговении Пушкина перед «святыней красоты», возвышающей и облагораживающей мир и человека. (Ср. его «Зодчие», «Красота», «Стойбище осеннего тумана...» и др.).

В пушкинской «Гавриилиаде» Ходасевич видит продолжение ренессансной традиции в изображении религиоз-

ных сюжетов. Он подчеркивает, что характер их трактовки был обусловлен новым, жизнерадостным мироощущением художников, их умением наслаждаться многообразной, хотя и далеко не гармоничной, действительностью. То же чувство восхищения окружающим миром, по мнению автора статьи, продиктовало молодому, полному сил Пушкину его прекрасное создание. Стремясь опровергнуть несправедливые обвинения в адрес поэмы как «кощунственной» и «непристойной», Ходасевич ссылается на историю привлечения к суду (по тем же обвинениям) великого венецианца Веронеза и оправдания его «самой инквизицией».

Кедринские пометы в этой части статьи показывают, что для него вопрос о «Гавриилиаде» (во имя чего написана статья) несколько отступает на второй план, на первый же выдвигается проблема творческой свободы художника и тех критериев, которые могут быть использованы при оценке его произведений. Ракурс изображения, выбор художественных средств, используемых творцом, определяется его, художника, мироощущением, его мироощущением и миропониманием. Этим же обусловлены и те «неточности», которые появляются у художника, берущегося за канонизированный сюжет, ибо, разрабатывая общее, он не может отказать от своего индивидуального, частного, субъективного в понимании и трактовке этого общего. Эстетические принципы, поэтические находки, живописные эффекты определяются многими факторами, в том числе – характером жизни художника и менталитетом эпохи, в которую он творит. За «неточностью» некоторых живописных деталей чаще всего стоит не стремление к оригинальности, не отсутствие исторического чутья, а, как говорит Ходасевич, «нечто более сложное», о чем мог бы сказать и Веронез: «Он сказал бы, что мир, в котором вот сейчас живет он, Веронез, так мил ему, так прекрасен, что расстаться с этим миром ему не хотелось даже ради самых святых мест и самых святых минут. И что, пожалуй, сама обитель Господа не понравилась бы ему, если она ничуть не похожа на Венецию» (с. 102).

Кедрин подчеркивает этот текст как очень важный, совпадающий с его собственными размышлениями, и делает приписку: «А Рембрандт, одевавший своих святых в меховые голландские шапки?» Эта запись, во-первых, доказывает, что Кедрин-читатель прекрасно чувствует некую универсальность, общезначимость рассуждений Ходасевича, выходящих за рамки конкретного анализа конкретного произведения. Во-вторых, эта запись – одно из свидетельств раннего и активного интереса Кедрина к личности Рембрандта, желание обратиться к воплощению образа которого в драме, вероятнее всего, восходит у него к пушкинским текстам [25] и «пушкинской» статье Ходасевича. Не случайно приведенная выше запись Кедрина вошла в переработанном виде в текст его драмы – в первой сцене «Рембрандта» читаем: Флинк: ...Рисуя в этой папке / Страдания Иисуса, он надел / Евангелистам ... меховые шапки!

Параллельно с темой творческой свободы художника, бывшей и для автора статьи, и для Кедрина в высшей степени злободневной, в работе Ходасевича возникает и тема критики, тема «суда» над художником и его произведением. Автор и читатель солидарны в убеждении, что мериллом для оценки произведений могут и должны быть прежде всего эстетические, чисто художественные критерии, и судить о произведении художника можно только по законам искусства. Как замечает Ходасевич, защищаясь, Веронез представляет в качестве оправдания лишь эстетические аргументы, свои художественные убеждения. И читая эту часть статьи, Кедрин дважды (отчеркнув и под-

черкнув) выделяет: «<...> /никаких оправданий, кроме эстетических, не представил»./ (с. 101). Точно так же выделяет Кедрин и слова Ходасевича: /»И так высоко было у судей уважение к свободе творчества, что Веронез был оправдан самой инквизицией»./

Этого «высокого уважения» к правам художника, которое может быть свойственно судьям только в эстетически и художественно развитом обществе, так недоставало официальной критике, решавшей судьбу многих поэтов в 1920-е и особенно в 30-40-е гг. В этом смысле статья Ходасевича, отстаивающая идеи свободы творчества и эстетической критики, была не просто актуальна для Кедрин-читателя, но служила формированию и упрочению его собственных взглядов на проблему, разные грани которой воплощены во многих его произведениях, в том числе и в драме «Рембрандт» (1937).

В последней статье сборника Кедрин-читатель сделал только одну небольшую помету. В речи Ходасевича на

пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г. Кедрин подчеркнул фразу, которая может быть поставлена в качестве эпиграфа ко всему комплексу кедринских произведений, в той или иной степени затрагивающих исторические факты или события, – «История вообще неуютна».

«Неуютность» истории ощущалась не только Ходасевичем, но и всем его поколением, через судьбу которого она проложила глубокую борозду. Глубоко чувствовал ее и Кедрин, поэт, имевший свой, не всегда совпадающий с официальным, взгляд на историю и современность, что неизбежно отражалось в его творчестве. Герои кедринских произведений на темы истории («Зодчие», «Песня про Алену-Старицу», «Конь», «Пирамида», «Певец», «Князь Василько» и др.), как правило, – люди трагической судьбы, стремившиеся к красоте, свободе, творчеству, радевшие о благе родной земли, но раздавленные волей тиранов или исторических обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы литературы. М., 1988. № 10. С. 208.
2. Винокуров Е. Я биографию пишу // Мол. гвардия. 1979. № 3. С. 92.
3. Из наследия Д. Кедрин. Публ. С.Д. Кедрин // Мол. гвардия. 1987. № 6. С. 275.
4. Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней // Записки мечтателей. Пгт., 1922.
5. Асеев Н. В. Ходасевич. Тяжелая лира // Леф. 1923. № 2.
6. Родов С. Оригинальная поэзия Госиздата // На посту. М., 1923. № 2–3. С. 158–159.
7. Сафронов Л. Молодая кузница // Комсомолия. 1925. № 8. С. 64.
8. Кедрин С.Д. Любимые книги Дм. Кедрин // Альманах библиофила. 1980. Вып. 9. С. 73–80.
9. Ходасевич В. Путем зерна. Третья книга стихов. 2-е изд., доп. Пгт., 1921. Тираж 800 экз.
10. Ходасевич В. Статьи о русской поэзии. Пгт., 1922.
11. Ученые записки Томского государственного университета. Томск, 1969. № 77.
12. Сб. трудов молодых ученых. Томск, 1973.
13. Проблемы метода и жанра. Томск, 1976. Вып. 3.
14. Характер чтения Жуковского. Система помет // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1984.
15. Баратынский Е. Избр. соч. Изд. 3. И. Гржебина. Берлин–Пгт.–М., 1922.
16. Пушкин А.С. Поли. собр. соч. в одном томе. Одесса. 1919.
17. Пушкин А.С. Гавриилиада. Полный текст / Вступ. ст. В. Брюсова. М.: Альциона, <1918>.
18. Бунин А.И. Полн. собр. соч. Пгт., 1915. Т. 3.
19. Цит. по: Зорин А. Начало // Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 12.
20. Инбер В. О «чистой лирике» и стихах Дмитрия Кедрин // Смена. 1933. № 56. С. 26.
21. ЦГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 8. ед. хр. 15.
22. ЦГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 11. ед. хр. 132. Л. 64.
23. Из наследия Д. Кедрин // Вопр. лит. 1979. № 3. С. 225.
24. Ходасевич В. Глуповатость поэзии // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 194
25. Реморова Н.Б. Пушкинские традиции в поэзии Дм. Кедрин. Статья 3 (Драма «Рембрандт») // Сб. трудов молодых ученых. Томск, 1976. Вып. 3.

Статья поступила в научную редакцию 15 февраля 1999 года.

УДК 82.09

Т.Л. Рыбальченко

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА КАК ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕЧЕНИЙ

В статье предлагается периодизация литературы XX века (русской литературы), связанная не с периодами политической жизни, а с изменением глобальной социокультурной ситуации от первой ко второй половине XX века: утопическая (модернистская) и постутопическая (постмодернистская). Выделяются основные литературные течения в литературе, создавшие разные картины мира, разные концепции человека; обозначены разные судьбы этих течений от начала к концу XX века. Анализ литературы в аспекте литературных течений позволяет обнаружить единство двух потоков русской литературы: метрополии и диаспоры

Конец века и завершение социалистического периода в развитии русской культуры заставляют искать как общие черты литературы XX века, делающие её особым, не только хронологическим, но эстетическим этапом, так и тенденции развития литературы внутри культурно-исторической ситуации. Дискуссии, например, в «Вопросах литературы» [1], посвященные проблеме периодизации истории литературы уходящего века, обнаруживают, во-первых, скептическое отношение к логизированию литературы, к построению ограниченных моделей, типологий, систем, во-вторых, критическое отношение к эволюционистской концепции истории литературы, неизбежно подразумевающей идею прогресса в художественном

развитии. Тем не менее литературоведение не может избежать выявления закономерностей, не может ограничиться описанием эмпирических фактов художественной жизни и вынуждено выстраивать концепции, «рабочие версии», решая две задачи (синхроническую и диахроническую), выявить языки воссоздания мира, описания реальности, существовавшей в определённую историческую эпоху, и определить отношение этих языков, художественных формул времени, к предшествующим периодам развития литературы.

В концепциях истории русской литературы XX века едва ли не главными продолжают оставаться социологические и идеологические критерии. Главный изъян по-